

Лев РАЗМОЛОДИН: «ЕГЭ показал свою несостоятельность»

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР

Страсти вокруг ЕГЭ – единого государственного экзамена – кипят практически с момента его введения в 2001 году. Есть и его жаркие сторонники, и не менее активные противники. К последним, к слову, относится ректор МГУ Виктор Садовничий, заявивший ещё в начале этого эксперимента: «Если в России в обязательном порядке введут ЕГЭ, то это значительно снизит уровень подготовки абитуриентов и качество образования».

На страницах «Северного края» неоднократно появлялись материалы на эту тему. Последний из них – «Как лечить ЕГЭ» («СК» от 29 сентября 2009 года) – приглашал читателей высказать своё мнение по поводу единого государственного экзамена. Буквально на следующий день в редакцию пришёл давний читатель нашей газеты, неоднократный герой публикаций «Северного края» («Реформа может увязнуть в пустых разговорах» от 5 сентября 2007 года, «Пустим шапку по кругу на нужды науки» от 5 октября 2007 года) председатель Ярославской ассоциации преподавателей вузов, профессор технического университета Лев Петрович Размолодин.

– Единый государственный экзамен, как система в целом, преследует цель не повышения качества образования, а снижение его содержательности, – начал разговор Лев Петрович. – Недостатки этого эксперимента были очевидны ещё на первых стадиях его введения. И главный из них: полностью аннулирована одна из важнейших составляющих образования – воспитание. ЕГЭ отлучил преподавателя от воспитательной функции, а ведь в законе об образовании сказано, что образование – это обучение и воспитание. ЕГЭ выхолостил эту составляющую.

– То есть вы вообще не признаёте ЕГЭ?

– Единый государственный экзамен – это система «угадайки». Он допустим лишь в качестве неофициального среза знаний, который может предшествовать серьёзному экзамену. В прежние времена, когда в вузах проходили приёмные экзамены, они были нацелены на оценку интеллекта абитуриента, его способностей, памяти, готовности и желания учиться. То есть экзамен был содержательным и личностным фактором. В ЕГЭ эти факторы полностью отсутствуют.

– Какие ещё претензии есть у вас как у профессионала, преподавателя с солидным стажем к ЕГЭ?

– Если говорить о качестве образования, то оно в первую очередь определяется отбором. Отбор – это оценка способностей абитуриента, его интеллекта, его способности к образованию и самообразованию. ЕГЭ – это формальный отбор. У нас сейчас дело дошло до того, что мы пытаемся учить студентов, которые, положив руку на сердце, должны заниматься совсем другим делом. Они в принципе не обучаемы, у них нет ни способностей, ни желания учиться. И, как показало время, эти в принципе необучаемые студенты заканчивают институты, получают дипломы и начинают работать. В результате мы имеем Чернобыльскую катастрофу, Саяно-Шушенскую трагедию, прочие техногенные катастрофы, а также технологическое отставание, которое за последние двадцать лет всё время усиливается и становится необратимым.

– Введение ЕГЭ преследовало и такую задачу, как ликвидация коррупции. Есть

сококвалифицированных рабочих не хватает.

– Мне кажется, что возможность одновременной подачи заявлений на несколько факультетов и специальности априори размывает границы интересов абитуриента. Получается, всё равно куда, лишь бы поступить. В университете имени Демидова, к примеру, в этом

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

какая-то положительная динамика в этом вопросе?

– Говоря о коррупции в вузах, надо отталкиваться от истоков её возникновения. Коррупция порождена низким социальным статусом преподавательского состава. Нельзя в нищих учебных заведениях с низким кадровым педагогическим составом обучать высшему образованию. Не получается.

– То есть вы полагаете, что этой своей задачи ЕГЭ не решил?

– ЕГЭ был введён с целью борьбы со взяточничеством при вступительных экзаменах. И, казалось, что если преподавательский состав будет отстранён от экзаменов, всё решится само собой. Но коррупция не исчезла, она приняла другие формы. Согласен со своим коллегой, деканом МГУ Суриным, который в статье «Как лечить ЕГЭ» пишет: «Коррупция – это системное явление, и никакой экзамен, и никакие новые правила её не ликвидируют». Но страшно не столько взяточничество, сколько то обстоятельство, что ЕГЭ – это коллективная безответственность. Когда вуз самостоятельно проводил приём абитуриентов, он нес ответственность и за вступительные экзамены, и за качество обучения и перед студентами, и перед государством.

– А теперь что получает: вуз этой ответственности не несёт?

– Нет. Вуз обучает тот контингент, который есть, а многие из них, как уже было сказано выше, не обучаемы в принципе. При советской власти, когда в Ярославле было семь государственных высших учебных заведений, лишь 20 процентов выпускников средних школ становились студентами. В институты поступали лучшие – и специалисты в итоге получались соответствующие. Остальные выпускники садились за парты техникумов, получали образование в соответствии со своими способностями и призванием. Мало того, что человек имел здравую самооценку, так и страна не знала проблем кадрового голода. Зато теперь у нас переизбыток юристов, толпы экономистов и менеджеров, хотя не факт, что полученные ими дипломы соответствуют знаниям в их головах, а вы-

году были абитуриенты, которые подали заявления на все без исключения факультеты – от информатики до музеологии... Что вы думаете по этому поводу?

– В этом отражается государственный подход в подготовке кадров, а, точнее, полная безответственность чиновников от образования. Не хочется брюзжать и аргументировать пресловутым «вот в наше время...», но действительно раньше молодой человек, заканчивающий школу, более-менее чётко представлял себе сферу своей будущей практической деятельности. Теперь, пользуясь возможностями подачи документов сразу на несколько факультетов – «авось куда-нибудь да пройду», – будущий студент заинтересован не столько в обучении, сколько в получении какого-либо диплома. Введение ЕГЭ дало толчок к разрушению образовательной системы, в стране, которой завидовали и высоко оценивали в так называемых «цивилизованных странах», и результаты не заставят себя ждать.

– Каков же выход из этой ситуации?

– Очевидно, что ЕГЭ введён по политическим мотивам и конкретным финансовым соображениям. Когда министра финансов Кудрина спросили про финансирование образования, он сказал, что наше российское образование перекормлено деньгами. Мы, на местах, этого финансового благополучия не замечаем. Действительно, средства во внедрение системы ЕГЭ вложены немалые, но данная система породила не образовательное, а чиновничье сообщество. Понятно, что сейчас назад никто отыгрывать ситуацию не будет. Система ЕГЭ будет совершенствоваться – это точно, но вот вопрос: в какую сторону?

– Ну, судя по введённым в этой вступительной кампании трём волнам приёма, в сторону деградации...

– Приёмные комиссии за голову хватались: и заявлений много, и принимать некого. Это заигрывание развращает молодёжь, у них нет адекватной самооценки своих возможностей. Я полагаю, что система ЕГЭ показала свою полную несостоятельность.

Беседовала
Лариса ДРАЧ